

ЛИТЕРАТУРА
АДЕРВЕЙДЖАНСКИХЪ
ТАТАРЪ.

Составилъ Фридунъ-бекъ Кочарлинскій.

ТИФЛИСЪ.
Электропечатня Груз. Изд. Т-ва, Большая Ванская ул.

1903.

ЛИТЕРАТУРА
АДЕРБЕЙДЖАНСКИХЪ
ТАТАРЪ.

Р-6498

Составилъ Фридуль-бекъ Кочарлинскій.

M. F. Axundov adına
Azərbaycan Milli
Kitabxanası

ТИФЛИСЪ.
Электропечатня Груз. Изд. Т-ва, Большая Ванская ул.

1903.

Дозволено Цензурою. Тифльсь, 13-го апрѣля 1903 г.

ЛИТЕРАТУРА АДЕРБЕЙДЖАНСКИХЪ ТАТАРЪ.

I.

Русско-подданные азербейджанскіе татары занимаютъ юго-восточный уголъ Закавказья и живутъ въ губерніяхъ Бакинской, Елисаветпольской, Тифлисской и Эриванской, а также, въ незначительномъ количествѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сѣв.Кавказа. Персидско-подданные же татары азербейджанцы населяютъ обширные вилайеты (области) азербейджанскаго намѣстничества, центромъ котораго считается многолюдный богатый и торговый городъ Тавризь, резиденція персидскаго валиахда, наслѣдника престола. Къ азербейджанскимъ татарамъ относится и населеніе Макинскаго ханства, за исключеніемъ курдовъ, ведущихъ кочевой образъ жизни. Всѣ они говорятъ, съ незначительными измѣненіями въ акцентѣ, на азербейджанскомъ нарѣчій тюркскаго языка. Языкъ этотъ, благодаря своей простотѣ и легкости, всѣми усваивается безъ особаго затрудненія и является самымъ пріятнымъ и общеупотребительнымъ на всемъ мусульманскомъ востокѣ. На немъ говорятъ и жители Араки—Аджамы и населенія Фарсистана и Туркестана, армяне, греки, айсоры, курды и др.

У азербейджанскихъ татаръ, какъ у народа менѣе культурнаго и не всегда имѣвшаго свою самостоятельную жизнь и исторію, прежде не было ни своей письменности, ни литературы. Съ

принятіемъ ислама они заимствовали у арабовъ ихъ азбуку, а позднѣе, благодаря вліянію Персіи, познакомились съ знаменитою въ свое время „арабско-персидской литературой“. Въ началѣ это знакомство было поверхностное: ни философія *Маллай Руми* и *Шейхъ Аттара*, ни нравоучительные, выдерживающіе строгое направленіе рационализма, рассказы персидскаго мудреца *Шейхъ Саади*, ни блестящее лирическое откровеніе пѣвца розы и соловья—*Хаджи Гафиза* не были доступны пониманію или критической оцѣнкѣ азербейджанскихъ татаръ, стоявшихъ все еще на невысокой ступени духовнаго развитія. Но вполнѣдствіи, когда закавказскіе азербейджанцы подпали, вмѣстѣ съ другими народностями Кавказа, подъ крѣпкое управленіе Персидскаго правительства, то они переняли отъ нихъ не только одни обычаи, нравы и различныя бытовыя стороны ихъ жизни, но даже, незамѣтно для себя, стали духовно сближаться и сродняться съ господствующимъ народомъ, заимствуя у него религію, языкъ и литературу. Отъ персидскаго языка вошло въ азербейджанское нарѣчіе безчисленное множество персидскихъ словъ и выраженій, уже настолько сроднившихся съ татарскимъ языкомъ, что въ настоящее время трудно замѣнить ихъ своими собственными и многіе татары, даже хорошо грамотные, сомнѣваются въ персидскомъ ихъ происхожденіи. Этому много способствовали персидскіе *мектебы*. Съ водвореніемъ въ краѣ персидскаго вліянія, грамотные персіане начали въ городахъ и большихъ селахъ открывать свои школы (мектебы), и такъ какъ въ этихъ мектебахъ учителями

были такъ называемые персидскіе мирзы, то, понятно, и преподаваніе шло исключительно на персидскомъ языкѣ. Вездѣ читались однѣ персидскія книги; письма и разныя дѣловыя бумаги писались (въ нѣкоторыхъ городахъ Закавказья напр., въ Нахичевани, Эривани, Баку) и теперь пишутся на персидскомъ языкѣ. Татарскіе писатели, поэты, историки писали свои сочиненія на персидскомъ языкѣ. Знаменитый *Низами*, написавшій на персидскомъ языкѣ свои чудныя и проникнутыя возвышеннымъ чувствомъ любви поэмы, былъ татаринъ родомъ изъ Елисаветполя.

Но богатая персидская литература съ XVII-го вѣка при династіи Сафевидовъ, принимаетъ совершенно другое направленіе. Вмѣсто прекрасныхъ гномическихъ стихотвореній, чудныхъ поэмъ, романовъ и повѣстей въ стихахъ изображаются сенсуальные мотивы, а также заунивная, глубоко затрогивающая сердце грусть. Лирической элементъ отступаетъ на задній планъ, а вмѣсто него выдвигается панегирической тонъ. Писатели и поэты, движимые одними низменными чувствами, ради наживы и личной выгоды, излагаютъ Шахеншахамъ и другимъ высокопоставленнымъ придворнымъ лицамъ похвальныя рѣчи гиперболическаго характера. Такими качествами отличались придворные поэты, другіе же, болѣе отдаленные отъ двора и вниманія высокопоставленныхъ лицъ, вводятъ въ свои произведенія новый элементъ, заключающійся въ эротизмѣ. Предметомъ ихъ разсужденій и дѣсужей фантазіи служатъ любовь и своеобразное описаніе достоинствъ воображаемой красавицы. Въ своихъ произведеніяхъ они воспѣ-

ваютъ то вьющіяся, какъ черная змѣя, локоны, то дугообразныя, имѣющія видъ молодого мѣсяца, брови, то черныя жгучіе глаза, то яхонтовыя губы, то жемчужныя зубы и т. д. Воспѣваемая красавица является живымъ олицетвореніемъ природы: ея ростъ сравнивается съ кипарисомъ или самшитомъ, походка—съ движеніемъ лани, лицо—съ луною, цвѣтникомъ розъ, хранилищемъ золота и драгоценностей, свѣтлымъ утромъ, а волосы вокругъ него—по чернотѣ—съ ночью, по длинѣ и кудреватости—съ опасной ядовитой змѣею, изви- вающейся вокругъ хранилища золота и готовой ужалить всякаго, кто осмѣлится подойти къ нему ¹⁾).

Такое сенсуалистическое направленіе персидской литературы болѣе всего пришлось по вкусу азербейджанскимъ поэтамъ, изъ которыхъ молла Панахъ въ Карабагскомъ ханствѣ, молла Вели въ Казахскомъ магальѣ, молла Закиръ Нухинскій въ Шекинскомъ ханствѣ и Раджи въ Персидскомъ азербейджанѣ считались лучшими эротиками своего времени, и произведенія ихъ до сихъ поръ имѣютъ много поклонниковъ и подражателей.

Въ „Сборникѣ произведеній азербейджанскихъ поэтовъ“, изданнымъ просвѣщеннымъ членомъ Археографической Комиссіи Адольфомъ Петровичемъ Берже въ 1867 году въ Лейпцигѣ, на первомъ мѣстѣ напечатаны стихотворныя произведенія Молла Панаха—Вакифа, какъ несомнѣнно крупнаго поэта. Въ другомъ сборникѣ, называ-

¹⁾ По восточному повѣрью, всякая кладь охраняется змѣею.

емомъ „Сборникъ произведеній Вакифа и его современниковъ“ ¹⁾, приводится и краткая біографія этого замѣчательнаго по природному уму, восточной учености и творческому таланту чловѣка. Настоящее имя Вакифа молла Панахъ; „Вакифъ“ его псевдонимъ и означаетъ знающій, имѣющій обо всемъ свѣдѣнія. И на самомъ дѣлѣ, можно сказать безъ преувеличенія, что молла Панахъ обладалъ большими знаніями и по своему времени считался самымъ ученымъ чловѣкомъ. На этомъ основаніи позднѣе о немъ сложилась поговорка „Харъ охуянъ молла Панахъ олмазъ“, т. е. не всякій, кто посвящаетъ себя наукамъ, сдѣлается молла Панахомъ. Въ біографическомъ очеркѣ, составленномъ Мирза Юсифомъ, не упоминается о годѣ рожденія молла Панаха; въ немъ говорится, что въ 1766 году, по причинѣ нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и политическихъ смутъ, изъ Грузіи и сосѣднихъ ханствъ переселились въ Карабагскую землю къ Панахъ-хану нѣкоторыя кочевыя общества, какъ напр., Карачалинское, Джинлинское, Дамирчи-Гасанлинское, Кизиль-Хаджлинское, Сафикурдское, Бой-Ахметлинское, Кенгерлинское и многія другія. Остатки этихъ обществъ и до сихъ поръ живутъ въ Казахскомъ уѣздѣ; вмѣстѣ съ ними переселились въ Карабагъ нѣсколько семействъ изъ сел. Гасанъ-Су, родины Вакифа, который находится

¹⁾ Сборникъ этотъ составленъ Мирза Юсифомъ Карабаги по просьбѣ Мирза Джанъ-бека Мадатова (армянина), также извѣстнаго въ татарской литературѣ своими стихотвореніями. О немъ рѣчь въпереди.

недалеко отъ Акстафы¹⁾. Въ числѣ этихъ семействъ находился и молла Панахъ. Прибывъ въ Карабагъ, онъ, какъ ученый молла, не довольствовался жизнью въ деревнѣ и хотѣлъ искать себѣ счастья въ молодой резиденціи хана въ Шушѣ. Здѣсь онъ основалъ первый татарскій мектебъ въ томъ кварталѣ, который нынѣ называется Саатлу, и началъ усердно заниматься воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей. Рассказываютъ, что однажды, когда онъ въ разговорѣ съ однимъ приближеннымъ тогдашняго хана Ибрагима услышалъ про одно легкомысленное распоряженіе послѣдняго, то въ душѣ онъ сказалъ себѣ, что онъ непремѣнно сдѣлается господиномъ надъ головою хана. Но первое время онъ жилъ въ крайней бѣдности и во всемъ терпѣлъ нужду и лишенія, о чемъ онъ въ насмѣшливомъ тонѣ пишетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

Насталъ байрамъ, какъ мнѣ быть?

Въ домѣ моемъ нѣтъ полнаго чувала²⁾,

Рисъ и масло истощились давно,

Мяса купить не на что,

О моталѣ³⁾ же лишь только можно мечтать.

Какъ видно, Богу одни мы были неблагодарны,

Что лишились его милости и даровъ.

Другіе окружены сахаромъ и разнаго рода
сладостями,

Въ нашемъ же домѣ нѣтъ и сушеннаго кизила.

¹⁾ По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ родиною молла Панаха считается Салахлу, большое селеніе въ Казахск. уѣздѣ.

²⁾ Чуваль — означаетъ мѣшокъ.

³⁾ Моталъ — особенный образъ приготовленный сыръ, сохраняемый въ овечьей шкурѣ.

На свѣтѣ этомъ нѣтъ у насъ богатства.

Въ домѣ нѣтъ жены красивой.

Можетъ-быть ты, Вакифъ, хвастаешься своимъ
умомъ и просвѣщеніемъ?

Напрасно! Слава Аллаху, у тебя нѣтъ и этихъ
достоинствъ!

Но вскорѣ послѣ этого молла Панахъ, благодаря своему уму и природнымъ дарованіямъ, присутствіе которыхъ въ себѣ онъ отвергалъ въ насмѣшливомъ тонѣ, настолько выдвинулся въ глазахъ своихъ современниковъ, что о немъ стали говорить по всему Карабагу, какъ о рѣдкомъ ученомъ и остроумномъ поэтѣ. Слава о немъ дошла до самаго Ибрагимъ Халиль-хана, который, лично убѣдившись въ его талантливости, приблизилъ его къ себѣ и въ 1769 году положилъ на него обязанности „Эшикъ-Агасы“¹⁾. Вліяніе его на хана росло съ замѣчательной быстротою, и онъ, по справедливости судя, оказался гораздо умнѣе и дальновиднѣе своего повелителя; онъ нерѣдко выручалъ его изъ бѣды и своими умными совѣтами помогалъ ему въ затруднительныхъ случаяхъ, возникавшихъ по управленію обширнымъ ханствомъ.

Подобныхъ случаевъ въ жизни молла Панаха не мало, когда онъ своими прекрасными стихами, или какимъ либо умнымъ и мѣткимъ замѣчаніемъ измѣнялъ весь планъ Ибрагимъ хана.

Жестокій Ага Мамедъ ханъ, узнавъ о томъ, что Ибрагимъ ханъ вмѣстѣ съ грузинскимъ царемъ Иракліемъ призываютъ на помощь русскихъ,

¹⁾ Придворный чинъ, въ родѣ гофмейстера.

въ 1795 году съ несмѣтными полчищами явился подъ стѣнами города Шуши и сталъ настойчиво требовать о сдѣлѣ города. Обступивъ его съ двухъ сторонъ и обстрѣливая его каменными ядрами изъ своихъ огромныхъ пушекъ, въ пылу самонадѣянности онъ послалъ Ибрагимъ хану насмѣшливое посланіе въ двухстишіи слѣдующаго содержания:

Съ свода небеснаго градомъ сыплются камни,
А ты, безумецъ, сидишь въ крѣпости изъ стекла
сооруженной ¹⁾.

На это посланіе послѣдовалъ такой отвѣтъ, составленный молла Панахомъ:

Правда, Создатель мой стекломъ меня окружилъ,
Но это стекло Онъ въ камни вложилъ!

Вакифъ, происходя родомъ изъ Казаха, жители котораго и сейчасъ ведутъ кочевой образъ жизни, отлично зналъ житье—бытье кочевниковъ. Переписка его съ поэтомъ молла Вели-Видади, имѣетъ большой этнографическій интересъ. Въ одномъ письмѣ къ нему онъ въ легкихъ и изящныхъ стихахъ описываетъ жизнь терекминокъ, полную милой илилической простоты и теплой сердечности; въ другомъ письмѣ къ тому же Видади онъ изображаетъ непривлекательную сторону ихъ жизни.

Вообще въ произведеніяхъ Вакифа прекрасный полъ занимаетъ центральное положеніе, и его муза увивается вокругъ прелестной женщины, воспѣвая ей нѣжные плѣнительные мотивы, подслушанные гдѣ-то въ заоблачной странѣ, въ от-

¹⁾ Тутъ игра словъ: „Шуша“ по персидски означаетъ стекло, на что намекаетъ и Ага Магометъ ханъ.

даленной небесной выси. Отдавая должную дань ея душевнымъ качествамъ и добродѣтели, Вакифъ въ самыхъ нѣжныхъ, изысканно поэтическихъ выраженіяхъ изображаетъ ея красоту и вѣщія совершенство, при этомъ увлеченіе его этой красотой доходитъ до полного забвенія. Онъ, какъ соловей, поетъ на тысячу ладовъ, сравнивая любимую женщину то съ благоуханной свѣжей розой, то съ луной, солнцемъ, небомъ, и такъ безконечности. Иногда, въ порывѣ увлеченія, поэтъ впадаетъ въ святотатство, называя свою розу именами священныхъ городовъ,—то Меккой, то Мединой. Вотъ приблизительный переводъ одного изъ многочисленныхъ его стихотвореній эротическаго содержания.

Ты моя Кааба ¹⁾ и Кербалай ²⁾,
Ты моя Мекка и Медина,
Ты моя избранная святыни!

Моя Кибла ³⁾—твоя брови,

Предъ ними только дѣлаю я поклоны,
Къ нимъ однимъ я обращаюсь лицомъ во время
моего намаза.

¹⁾ Священный храмъ въ Меккѣ, куда ѣздить на поклоненіе мусульмане

²⁾ Въ Кербалаѣ, которая находится около Багдада, погребены мощи любимаго всѣми шиитами имама Гусейна и его сподвижниковъ. Туда ѣздить на поклоненіе одни шииты.

³⁾ Кибла означаетъ супротивъ: у мусульманъ Киблой считается свящ. храмъ Кааба, куда они обращаютъ свои лица во время молитвы.

Я опьяненъ тобою, не помню себя;
Мое счастье въ твоихъ глазахъ,
Вѣра моя въ твоихъ чудныхъ волосахъ!

Ты моя луна, ты мое солнце,
Ты мой молодой мѣсяцъ,
Ты мое богатство, ты мое счастье,
Ты мой почетъ и уваженъе!

Лучшія мысли мои—мечтанье о тебѣ,
Лучшій разговоръ мой—бесѣда о тебѣ!

Когда въ 1797 году Ага-Магомедъ-ханъ, вторично подвинулся съ многочисленнымъ войскомъ на Шушу, то Ибрагимъ-ханъ, чувствуя свою несостоятельность противъ сильнаго и мстительнаго врага, убѣжалъ въ Белаканъ, почему-то оставивъ въ Шушѣ своего друга молла Панаха. Ага-Магомедъ-ханъ безъ всякаго сопротивленія со стороны оставшихся въ городѣ жителей, вошелъ въ него и началъ безошадно казнить всѣхъ, кого только подозрѣвалъ въ невѣрности и измѣнѣ его власти. Наиболѣе виновныхъ онъ велѣлъ посадить въ темницу, желая придумать для нихъ самый жестокой способъ казни; въ числѣ послѣднихъ въ мрачной темницѣ сидѣлъ и молла Панахъ, съ которымъ угрюмый шахъ имѣлъ старые счеты. Рассказываютъ, что молла Панахъ, какъ знатокъ восточныхъ наукъ, умѣлъ угадывать будущность человѣка. Въ ту самую ночь, когда нукеры шаха завершили судьбу своего повелителя и когда къ утру всѣхъ заключенныхъ ожидала страшная казнь, молла Панахъ былъ занятъ вычисленіемъ будущихъ лѣтъ Ага-Магомедъ-хана. По этимъ вычисленіямъ онъ опредѣлилъ, что дни хана сочте-

ны, и онъ больше не увидитъ новаго восхода солнца. Ободренный спасительной вѣрой въ свою безопасность, ночью же онъ спросилъ главнаго тюремщика, не знаетъ ли тотъ какія въ городѣ новости. Не получивъ отъ него удовлетворительнаго отвѣта, онъ не могъ спать до утра и при появленіи зари вторично обратился къ тюремщику съ тѣмъ же вопросомъ, „какія въ городѣ новости?“ Но тюремщикъ ничего не зная о происшедшемъ въ городѣ событіи, и на этотъ разъ не могъ удовлетворить любознательности поэта. Вскорѣ, однако, какъ появилось на горизонтѣ солнце, вѣсть объ убійствѣ шаха его нукерами распространилась по всему городу, дошла она и до тюрьмы, и молла Панахъ вмѣстѣ съ остальными заключенными были выпущены на свободу. По этому поводу онъ написалъ своему другу Видади:

Посмотри, о Видади, какъ коварно вращенье
судьбы,

Посмотри, какъ обманчиво время,
Какія бываютъ дѣла и какъ великъ Творецъ!
Смотри, какъ Онъ, справедливый Судья и могучій
Властелинъ

Въ одинъ мигъ уничтожилъ злодѣя,
Обративъ въ прахъ его существованье!
Свѣча, которая ночью была киблой ¹⁾ всего мира,
Къ утру внезапно потухла, не оставивъ слѣда!
Смотри, съ какой злобной радостью попирается
голова сардара.

Она, только что отдѣлившаяся отъ золотого вѣнца,
Была полна необузданной спѣси и безграничнаго
высокомѣрія.

¹⁾ Мѣсто поклоненія.

Возьми примѣръ съ Ага-Магомедъ-хана, о ничтожный рабъ,
 Смотри, какъ мучителенъ конецъ кровопійцы, будь онъ даже на тронѣ!
 Бѣги отъ непостоянныхъ жителей суетнаго міра,
 о Вилады!
 Бѣги, сколько есть силы въ ногахъ твоихъ,
 Не глядя ни на жену, и дѣтей, ни на враговъ и друзей.
 Закрой глаза Вакифъ на Божій свѣтъ, отрекись отъ соблазновъ его,
 Обращай свое лицо къ святому пророку,
 И уповай на помощь его чистѣйшаго потомства!

Послѣ смерти Ага-Магомедъ-хана племянникъ Ибрагимъ-хана Мамедъ-бекъ Мехрабъ-бекъ-оглы, пользуясь отсутствіемъ своего дяди, котораго онъ ненавидѣлъ всей душой, захватилъ въ свои руки ханскую власть въ Карабагѣ, и чтобы ему легче и спокойнѣе было управлять ханствомъ, онъ приказалъ перебить всѣхъ друзей и приближенныхъ хана. Въ числѣ ихъ погибъ и молла Панахъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Али-Агою. Могила этого замѣчательнаго моллы и даровитаго поэта находится въ Шушѣ, на юго-восточной и живописной части ея. Въ настоящее время она имѣетъ весьма жалкій видъ и никто не думаетъ о приведеніи ея въ порядокъ.

Ежегодно, предъ наступленіемъ Наврузъ байрама (9 марта), въ послѣднюю среду зимняго сезона, туда ходятъ толпами шушинскія татарки, разодѣтыя въ яркіе и нарядные костюмы; ходятъ онѣ не для поклоненія праху поэта, такъ восторженно воспѣвавшаго ихъ достоинства и красоту,

а для совершенія надъ его могилой разныхъ суевѣрныхъ обрядовъ, заключающихъ будто бы въ себѣ исцѣлительныя отъ физическихъ и душевныхъ болѣзней силы.

II.

Вакифъ считается основателемъ татарской литературы. Несмотря на свою ученость, онъ писалъ просто, на понятномъ народномъ языкѣ, не прибѣгая къ помощи персидскихъ или арабскихъ словъ. Всѣ его произведенія дышатъ безискусственной простотой и искреннимъ чувствомъ; многія изъ нихъ по простотѣ и художественности изложенія считаются образцами народной поэзіи, всѣ они поражаютъ своей мелодичностью, благозвучіемъ и необыкновенной выразительностью. Въ этомъ отношеніи онъ по справедливости можетъ считаться „ханомъ“ всѣхъ азербейджанскихъ поэтовъ.

Современникъ и другъ Вакифа молла *Вели Вилады* обладалъ тоже недоожиннымъ поэтическимъ талантомъ; но талантъ его имѣлъ своеобразный и односторонній характеръ; онъ поетъ все грустные мотивы; почти всѣ произведенія Вилады проникнуты чувствомъ глубокой скорби и безнадежной тоски. Даже въ описаніи чудныхъ картинъ природы, въ изображеніи разнообразныхъ сторонъ жизни поэтъ особенно подчеркиваетъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ отражается тщетность и непостоянство суетной жизни.

Послѣ Вакифа и Вилады, положившихъ основаніе азербейджанской литературѣ и обогатившихъ ее своими высокохудожественными произве-

деніями, появились во всѣхъ частяхъ Азербейджана много поэтовъ. Они въ своихъ произведеніяхъ старались, главнымъ образомъ, подражать своимъ учителямъ,—карабагскіе, шекинскіе и шемахинскіе поэты—Вакифу, казахскіе Видади. Изъ нихъ извѣстностью отличались слѣдующіе: *Ашикъ-Али, Аджизъ, Сабити, Шакики, Рафи, Нишлтъ, Лутфи Ширванскій, Саршаръ и Арифъ*. Всѣ эти поэты, бывшіе почти современниками молла Панаха, находились подъ сильнымъ вліяніемъ его свѣтлой жизнерадостной музыки. Образчики ихъ произведеній вошли въ „Сборникъ соч. Вакифа и его современниковъ“, составленный Мирза Юсифомъ.

Нѣсколько позднѣе ихъ пріобрѣтають извѣстность своими лирическими стихотворными произведеніями армянинъ *Мирза-Джанъ-Мадатовъ*, родомъ изъ с. Чанахчи, Шушинскаго у. и поэтесса Ашикъ *Пери* изъ Дзагскаго магала, Джебраильскаго у. Помимо поэтическаго таланта, обнаруживавшагося у Мирза-Джана въ рядѣ блестящихъ стихотвореній, онъ считался хорошимъ знатокомъ персидской литературы; вообще онъ, несмотря на свое армянское происхожденіе, по духу и чувствамъ былъ истый мусульманинъ, и нѣкоторыя его посланія къ Ашикъ Пери и неизвѣстнымъ намъ друзьямъ проникнуты неподдѣльнымъ чувствомъ уваженія къ мусульманской жизни.

Красивая и молодая поэтесса Ашикъ, удивлявшая всѣхъ своимъ умомъ и талантомъ, считалась душою тогдашняго образованнаго общества. Со всѣхъ сторонъ посыпались ей письма въ стихахъ и прозѣ хвалебнаго содержанія. Поэтесса въ свою

очередь воодушевляла своихъ почитателей мелодичными стихами, проникнутыми чувствомъ искренней дружбы, чистой любви, долга справедливости и уваженія къ человеку. Особенно интересна въ этомъ отношеніи ея переписка съ Мирза-Джаномъ, Джафаръ-Кули-ханомъ, Мамель-бекомъ, Мирза-Гасаномъ и Ахмедъ-бекомъ, которые считались самыми образованными людьми того времени. Прочувствованное стихотвореніе написала Ашикъ Пери на смерть Мирза-Джана, любимѣйшаго друга и человека рѣдкихъ душевныхъ качествъ. Поэтесса обращается къ измѣнчивой судьбѣ:

О ты, коварная судьба людская,
Скажи, куда ты дѣла дорогого Мирза-Джана!
Скажи, куда ты дѣла сладкорѣчиваго пѣвца,
Украшенія меджлисовъ и друга именитыхъ хановъ!
Таковы дѣла твои, о измѣнчивый свѣтъ!
Радость даешь ты въ началѣ, а горе подъ конецъ,
Смѣхъ и слезы смѣшаны у тебя.
Скажи, гдѣ сочинитель книгъ и стихотвореній?
Гдѣ руда золота и хранилище камней драгоценныхъ?..

Мы привели только два куплета, но и этотъ маленькій отрывокъ показываетъ, какъ высоко цѣнилось значеніе Мирза-Джана среди его современниковъ и до какой степени онъ былъ дорогъ для самой поэтессы

Среди достойныхъ современниковъ Ашикъ Пери видное мѣсто занимаетъ *Набати*, или ханъ Чобани изъ Мугана, извѣстный своими многочисленными и разнообразными стихотвореніями. Стихи Набати гибки и оригинальны; содержаніе боль-

P-6498

шинства произведений Набати взято изъ жизни простого народа, преимущественно кочевниковъ терекеминцевъ. Но у него много и такихъ произведений, въ которыхъ религиозно-философскій взглядъ и мистицизмъ являются преобладающимъ элементомъ. Сборникъ сочиненій Набати, изданный отдѣльной книгой, въ настоящее время составляетъ библиографическую рѣдкость. У Набати не мало и персидскихъ сочиненій. Въ нихъ поэтъ воспѣваетъ *свободу воли, сознательную вѣру во всемогущее единение и справедливое начало*. Отвергая все низкое и гнусное, поэтъ призываетъ всѣхъ служить добру, любить прекрасное и возвышенное. Въ глазахъ поэта все въ мѣрѣ, изъ-за чего люди ведутъ между собою неутомимую борьбу, суета, пустая и недостойная забава, и поэтому, слѣдуетъ отвернуться отъ всего непрочнаго, обманчиваго, непостояннаго, отъ того, что „пятидневно“. Внѣшняя обрядность, ложная показная религиозность также противны душѣ поэта. Его лира воспѣваетъ только идею, 'суть дѣла, внутренний мѣръ человѣка и состояніе его души... Но чтобы достичь извѣстной степени совершенства, духовно подняться до уразумленія высшихъ идей и быть въ состояніи воспринять ихъ, для этого нужно долготѣнее бдѣніе, настойчивая и продолжительная работа надъ самымъ собой, серьезная борьба съ своими страстями и пр. Въ одномъ изъ стихотвореній поэтъ говоритъ:

Иди, поживи,

Пока ты неучъ!

Чтобы быть совершеннымъ,

Слѣдуетъ попутешествовать;

Чтобы быть современникомъ

Птицы Кафа ¹⁾,

Чтобы парить съ ней

На высотѣ небесной,

Надо имѣть твердые крылья...

Набати очевидно находился подъ сильнымъ влияніемъ извѣстнаго на всемъ востокѣ мистика и воодушевленнаго пантеиста Джелалъ-Эдина, прозваннаго Моллай-Руми.

Далѣе извѣстны своими разнообразными сочиненіями, большей частью эротическаго направленія, азербейджанскіе поэты *Дилсузъ, Раджи, Кумри, Дахиль* и другіе. Но распространенію ихъ славы по всему Азербейджану, а также и въ Персіи среди послѣдователей секты шиизма болѣе всего содѣйствовали тѣ изъ ихъ сочиненій, въ которыхъ картинно и художественно описываются различные эпизоды изъ жизни святыхъ потомковъ пророка Магомета, главнымъ образомъ, мученика имама Гусейна, пользующагося беззавѣтною любовью всѣхъ шитовъ.

Роковое событіе, разыгравшееся въ концѣ 7-го столѣтія въ Ниневіи, дало богатый и неисчерпаемый матеріалъ пылкому воображенію восточныхъ поэтовъ, писателей и историковъ. Въ 60 году гиджры, въ мѣстечкѣ Кербалай, расположенномъ на правомъ берегу Евфрата, былъ измѣнически убитъ войскомъ Езида, Дамасскаго халифа, любимый внукъ пророка имамъ Гусейнъ со всѣми своими 72 послѣдователями; въ числѣ послѣднихъ находились и несовершеннолѣтніа дѣти Жены

¹⁾ Кавказскія горы у мусульманъ назыв. Кафомъ; подъ птицей Кафа нужно разумѣть орла.

убитаго имама и его послѣдователей были взяты въ плѣнъ и отправлены къ Езиду въ Дамаскъ; имущество разграблено, а тѣла убитыхъ осмѣяны и поруганы. Это кровавое событіе, оставившее по себѣ неизгладимые слѣды, потрясло весь мусульманскій міръ. Описанію послѣднихъ дней имама Гусейна въ Кербалаѣ, случившихся въ первыхъ числахъ мѣсяца Мухаррама, въ особенности дня Ашуры (10 числа этого мѣсяца), когда были убиты всѣ послѣдователи имама и самъ онъ, посвящены цѣлые томы сочиненій на арабскомъ, персидскомъ и татарскомъ языкахъ. Сочиненія эти поются въ теченіи мохаррама въ мечетяхъ и въ другихъ богослужебныхъ домахъ извѣстными лицами, назыв. марсіяханами и ноха-ханами. Многія изъ нихъ, полная чувствъ скорби и печали, на столько мастерски составлены, что вызываютъ плачь и стоны среди слушателей. Изъ татарскихъ сочиненій этого типа наиболѣе извѣстны произведенія Раджи. Его *Ноха* ¹⁾ поется вездѣ, во всѣхъ провинціяхъ персидскаго Азербейджана и въ тѣхъ мѣстностяхъ Закавказья, гдѣ живутъ мусульмане шииты. Закавказскіе поэты, въ особенности Карабагскіе, какъ ревностные шииты, подражая Раджи, Кумри и другимъ поэтамъ персидскаго Азербейджана, сами написали безчисленное множество ноха и марсіа; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ то *Закиръ*, *Аси*, *Норасъ* и молодой *Баки* въ этомъ родѣ поэзіи превосшли своихъ учителей.

Въ десятый день мохаррама (ашуры) во время религиозныхъ мистерій, когда ревностные ши-

¹⁾ Стихотвореніе печальнаго содержанія.

иты, одѣтые въ саванъ, добровольно наносятъ на свои головы удары острымъ оружіемъ, и подвергаютъ себя разнымъ тѣлеснымъ истязаніямъ, поются слѣдующіе куплеты, сочиненные еще молла Панахомъ:

Придите, о друзья шииты,
Исполнимъ въ сегодняшній день свой завѣтъ.
По жертвуемъ своей жизнью
Ради царя нашей вѣры,

„Ради шаха Гусейна,
„О, нашъ шахъ Гусейнъ!

О, Шумръ ¹⁾ окаянный!
Ты позабылъ стыдъ и совѣсть,
Ты окрасилъ мученической кровью
Прекраснаго царевича Али-Акбера! ²⁾

„О, нашъ шахъ Гусейнъ!

Пришли мы въ сегодняшній день
Дружной толпой на арену битвы.
Въ рукахъ нашихъ окровавленные мечи,
Мы требуемъ убійцы царевича Али-Акбера,
Царевича, неиспытавшаго удовольствія жизни,

„О, нашъ шахъ Гусейнъ!

Въ день суда страшнаго
Придетъ святая мать мученика,
Божественная Фатима, дочь пророка.
Въ рукахъ у нея окровавленный саванъ
Саванъ, снятый съ имама Гусейна!
Она, конечно, потребуетъ мести,
Каково тогда положеніе злодѣевъ?

„О, нашъ шахъ Гусейнъ!

¹⁾ Убійца имама Гусейна.

²⁾ Любимый сынъ имама.

Этотъ видъ литературныхъ произведеній, и до сихъ поръ почитаемый всѣми шитами, имѣеть своихъ специальныхъ поэтовъ и сочинителей. Въ Карабагѣ всякій по татарски грамотный шить начинаетъ свое сочинительство первымъ дѣломъ съ ноха и марсіа ¹⁾. Это гѣмъ болѣе заманчиво, что ноха и марсіа всѣми читаются съ большимъ интересомъ; сочинить ихъ не представляетъ большого труда, т. к. для нихъ существуетъ богатый матеріалъ; стоитъ только взять извѣстный эпизодъ изъ жизни имама мученика и изложить его въ общепринятой формѣ. Потому не подлежитъ счету ни число подобныхъ литературныхъ произведеній, ни, разумѣется, число ихъ авторовъ, которые продолжаютъ расти, какъ грибы въ дождливую весну.

III.

Съ начала сороковыхъ годовъ въ произведеніяхъ азербейджанскихъ поэтовъ замѣчается новое направленіе, значительно отличавшееся отъ прежняго эротическаго и крайне сентиментальнаго. Выдающимся представителемъ новаго направленія былъ *Касумъ-бекъ Хинзирстанскій*, который писалъ подъ псевдонимомъ „Закиръ“, что значитъ „словословящій Бога“. вмѣстѣ съ Закиромъ въ новомъ направленіи работали *Баба бекъ*, *Кербалай-Абдула* и другіе выдающіеся поэты Карабага, а въ Тифлисѣ извѣстный драматургъ *Мирза Фаталли Ахундовъ*, о которомъ рѣчь будетъ впереди. Каждый изъ нихъ, отдавъ должную дань все еще господствовавшему тогда эротизму, писали сатирическія произведенія, въ которыхъ смѣло и рѣ-

¹⁾ Юже, что ноха

шительно осмѣивали недостатки современнаго имъ общества, — свойственныя азіатамъ лицемеріе, имѣну, пороки духовенства, льстивыя ихъ рѣчи, невѣжество толпы, наслѣдственное высокомеріе высшаго ханскаго сословія.

Карабагъ является Парнасомъ для азербейджанскихъ поэтовъ и на высотахъ шушинскихъ горъ заводится гнѣздо для поэтовъ высокаго полета. Среди нихъ первое и выдающееся положеніе занимаетъ безспорно Касумъ-бекъ Закиръ. Жаль, что въ точности нельзя установить, когда родился и умеръ этотъ замѣчательный поэтъ; но достоверно извѣстно, что онъ былъ современникомъ корифеевъ русской литературы, — Пушкина, Бѣлинскаго, Лермонтова и друг. Закиръ былъ потомокъ извѣстнаго Панахъ-хана, основателя города Шуши. Родился онъ въ Шушѣ, гдѣ и получилъ свое персидско-татарское образованіе въ одномъ изъ мѣстныхъ мектебовъ. По окончаніи курса ученія въ немъ, онъ поселился въ своемъ имѣніи, въ сел. Хинзирстанѣ, гдѣ онъ занимался хозяйствомъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія враги Закира обвиняли его въ укрывательствѣ знаменитаго разбойника Бехбуда, который приходился племянникомъ поэту. Несмотря на то, что это была клевета на Закира, далекаго отъ всякаго рода незаконностей, представители мѣстной судебной и административной властей, введенные въ заблужденіе наговорами его недоброжелателей, приговорили къ ссылкѣ въ Сибирь какъ самого поэта, такъ и сына его Наджафъ-Кули-бека и племянника Искандеръ-бека. Женъ и дѣтей ихъ заключили въ шушинскую тюрьму, имущество же

движимое и недвижимое конфисковали. Это обстоятельство подѣйствовало на душу поэта потрясающимъ образомъ. По этому поводу онъ написалъ своему покровителю и другу бакинскому губернатору Кулебякину слѣдующія слова:

Въ твоё отсутствіе, о таджъ-саръ! ¹⁾
 Постигло Закира великое несчастье.
 Его, восьмидесятилѣтнаго старца,
 Обвиняли въ дружбѣ съ разбойникомъ!

По правдивости и кротости
 Его всѣ считали пророкомъ.
 По уму и разсудительности
 Онъ славился во всемъ Джебванширѣ.

Его не боялись на поляхъ
 Свободно пасущіеся джейраны.
 Нынѣ по милости двухъ злодѣевъ
 Его уличаютъ въ дружбѣ съ волками!..

Далѣе Закиръ проситъ его помочь ему въ несчастіи и не оставить его безъ милостиваго вниманія. Благодаря Кулебякину, Мирза-Фатали Ахундову и нѣкоторымъ вліятельнымъ князьямъ грузинскимъ, которые лично знали поэта, Закира скоро освободили изъ тюрьмы; ему пришлось всего перенести три мѣсяца заключенія въ Баку. Вскорѣ, по возвращеніи его изъ Баку на родину, освободили и дѣтей его изъ заключенія. Своихъ враговъ, содѣйствовавшихъ его ложному обвиненію въ глазахъ власти, Закиръ клеймилъ такимъ

¹⁾ Обращеніе къ высокопоставленнымъ лицамъ, „таджъ-саръ“, т. е. корона моей головы,

позоромъ въ своихъ сочиненіяхъ, который наврядъ ли когда-нибудь забудется во всемъ Карабагѣ.

Въ своихъ письмахъ, являющихся образцами художественной литературы, къ Мирза-Фатали-Ахундову, Исмаиль-беку Куткашинскому, Джафаръ-Кули-хану и губернатору Кулебякину, Закиръ представилъ полную картину жизни современнаго ему общества. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ вошли въ „Сборникъ азербейджанскихъ поэтовъ“, изданный А. П. Берже въ Лейпцигѣ, и они, по справедливости говоря, составляютъ лучшую часть Сборника. Эти письма и теперь читаются и выучиваются наизусть всѣми грамотными татарами, которые вообще имѣютъ большую склонность къ чтенію поэтическихъ произведеній. Въ легкихъ простыхъ и изящныхъ стихахъ поэтъ съ замѣчательнымъ искусствомъ и вѣрностью изображаетъ духъ своего народа, его понятіе, мировоззрѣніе, привычки, вѣрованіе, отношеніе къ жизни, людямъ, его добродѣтель и пороки, его благородство и недостойныя черты характера. Онъ, какъ глашатай истины, какъ строгій проповѣдникъ, „въ глазахъ людей читаетъ страницы злобы и порока“. Онъ смѣло и открыто бичуетъ корыстолюбіе, лицемеріе и невѣжество духовенства, грубость и жестокость бекскаго сословія, жадность и взяточничество чиновниковъ, которые въ большинствѣ случаевъ, являлись покровителями воровъ и разбойниковъ. Онъ не щадитъ и купеческаго сословія, которое, пріобрѣвши себѣ почетный титулъ „гаджи“ и „мешеди“, безсовѣстно эксплуатировало простой народъ. Въ одномъ изъ

своихъ писемъ къ Мирзѣ-Фатали-Ахундову, поэтъ, какъ бы обращаясь къ самому себѣ, пишетъ: 1)

„Что ты, глупое сердце, погружено въ сонъ невѣдѣнія? открой глаза и смотри на чудное твореніе Божье. Не тебѣ же одному пережить мирскую скорбь, не тебѣ же одному облачиться въ тогу печали. Посмотри на красавицу весну, посмотри, какъ пышенъ и богатъ ея подвѣнечный нарядъ! Вѣдь тебѣ всего то жить дней пять или шесть, не больше; потомъ сойдешь ты въ могилу, въ царство тьмы и страха, а на смѣну тебѣ придутъ другіе. Такъ пользуйся же жизнью, сумасшедшій! Любуйся картинами садовъ и долинъ и наслаждайся всѣмъ тѣмъ, гдѣ и въ чемъ только можешь найти его. Скуку вращенія измѣнчивой судьбы уничтожаетъ вращеніе чаши вина, которую держитъ въ рукахъ красавецъ виночерпій. Если же ты такъ святъ, что не пьешь краснаго вина, то, по крайней мѣрѣ, посмотри, какъ пьютъ его другіе, и краснѣютъ ихъ лица отъ него.

„Утренняя роса пропитана ароматомъ жасмина и розы; изъ садовъ и полей несетъ упоительный запахъ. Какіе чудные глаза у незабудки, какъ лукаво киваетъ головой макъ!

„Я знаю, ты больной и хилъ, ты совсѣмъ выбился изъ силъ; но ты собирайся духомъ и хоть на время старческими ногами дотащись до сада веселья. Смотри тамъ на радость красавицъ, на ихъ граціозный танецъ, послушай живое бурляканіе вина, льющагося изъ узкаго горлышка кувши-

1) Чтобы полнѣе передать содержаніе письма, оно приводится здѣсь въ прозаическомъ переводѣ.

на, послушай очаровательное пѣніе сумасшедшаго соловья,—какое пріятное сливаніе голосовъ! Смотри вонъ тамъ, пестрой толпой гуляютъ красавицы; онѣ украшаютъ свои въкошесся локоны цвѣтами; послушай какъ звонко отдается ихъ смѣхъ... Я, право, готовъ отдать за такой смѣхъ душу. Повѣрь, о сердце! этихъ полей и луговъ, этихъ чудныхъ цвѣтовъ, по своему восхваляющихъ величіе и могущество Создателя, я не промѣняю за блаженство будущаго рая, а этихъ красавицъ—за его гурій.

„Ты хорошенько подумай: гдѣ великіе цари Ирана, гдѣ Джумшидъ, Фридунъ и Кавусъ, гдѣ знаменитый Зохрабъ, Фарамерзъ и Тусъ, гдѣ величіе Искандера, гдѣ миллионеръ Дкянусъ? 1) Жестокая судьба развѣяла ихъ прахъ по лицу земли. Благоразумно-ли послѣ этого положиться на сей тленный міръ? Если не сегодня, то, навѣрное, завтра уйдешь и ты вслѣдъ за тѣми, которые жили раньше тебя. Вспомни сказаніе про Фахрада и Ширина, вспомни несчастную и полную скорби исторію Лейли и Меджнуна 2), вспомни, какъ томилась она въ разлукѣ и какъ печаленъ былъ ихъ конецъ!

„А вотъ посмотри, какъ пользуются жизнью окружающіе тебя люди, какъ они, забывъ Бога и стыдъ, ради нея (жизни) торгуютъ своей вѣрой и совѣстью. Съ кого бы начать? затрудняюсь! Начнемъ хоть съ отцовъ духовныхъ, съ благо-

1) Имена персидскихъ царей и знатныхъ мужей.

2) Фахрадъ и Ширинъ—герой и героиня романа Низами, а Лейли и Меджнунъ—повѣсть Физули Багдадскаго.

честивыхъ мумль и ваизовъ ¹⁾. На берегу рѣчки, у холоднаго источника, въ тѣни, расположились они непринужденно. Справа отъ нихъ стоятъ бутылки, слѣва—кувшины съ виномъ; въ рукахъ у нихъ стаканы, а передъ ними на тарелкахъ—разныя закуски. Правда, заманчива жизнь этихъ чалмоносцевъ? Ваизъ постоянно твердитъ намъ про свою святость, про шариатъ пророка Магомета. Онъ посылаетъ угрозы всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ склонность къ хараму (запрещенному). Но самъ онъ въ удобныхъ случаяхъ поглащаетъ все безъ разбору. Какъ беспощаденъ и строгъ по отношенію къ другимъ, какъ онъ либераленъ и небреженъ по отношенію къ самому себѣ! Какой святостью дышетъ его рѣчь, какъ омерзительно и погубно его дѣяніе! Кто же въ наше время обращаетъ вниманіе на пророка и имамовъ, чьи сердца заняты вопросами религіи? Возможно ли водворить какой-нибудь порядокъ въ этомъ Содомѣ? Посмотри, какимъ уваженіемъ пользуется красное вино въ Рамазанѣ) и какія преступленія совершаются правовѣрными въ траурномъ мѣсяцѣ мохаррамѣ?

„Къ сельскому люду жадный купецъ пристаётъ какъ пиявка; сладкими рѣчами и мольбами завлекаетъ несчастнаго въ свою лавку и изъ пяти аршинъ въ трое дороже проданнаго товара крадетъ добрую половину при измѣреніи. Таковы наши купцы, пріобрѣвшіе званіе гаджи, такова ихъ торговля! Бакальщики на чашу вѣсовъ кла-

¹⁾ Проповѣдникъ.

²⁾ Названіе мѣсяца, когда мусульмане соблюдаютъ постъ.

дутъ свою совѣсть и вѣру, а кислый айранъ ¹⁾ продаютъ по цѣнѣ меду. Когда же имъ указываютъ ихъ несправедливость, они на тебя бросаются, какъ бѣшенныя собаки. Башмачники—обшиваютъ свой костюмъ золотомъ и галунами, а въ карты пригоршнями проигрываютъ червонцы. Содержатели кухмистерской носятъ золотыя часы; высокомѣрїю и гордости ихъ нѣтъ границы. Базарники и квартальные надзиратели являются полновластными хозяевами города; они съ утра до вечера ходятъ по базару, ища себѣ добычу. Разбиваются лица, колотятся спины, ключьями взлетаютъ на воздухъ бороды почетныхъ горожанъ,— все это изъ за нѣсколькихъ тумановъ, которые въ темную ночь должны быть всунуты въ карманы блюстителей порядка. Жестокостямъ хановъ и ихъ дѣтей нѣтъ предѣла. Они своихъ крестьянъ поджариваютъ на вертелѣ въ огнѣ; они безнаказанно отнимаютъ у нихъ женъ и дочерей, они свободно расхищаютъ ихъ имущество. Вотъ каковы наши хановичи! Отличаются ли они чѣмъ нибудь отъ хищныхъ звѣрей? Говорятъ, что по новому положенію, высочайше утвержденному, беки должны обуздать свои страсти и измѣнить отношенія къ крестьянамъ. Не знаю, гдѣ какъ, а у насъ злодѣянія ихъ увеличились еще больше. Впрочемъ, вѣдь для нѣкоторыхъ законъ не написанъ... Нѣтъ силъ перечислить всѣ существующіе въ нашемъ вилайѣ безпорядки; въ нихъ принимаютъ участіе и мужчины и женщины, съ одинаковымъ усердіемъ старающіеся перещеголять

¹⁾ Кислое молоко въ очень жидкомъ видѣ.

другъ друга... О правосудіи и справедливости и помину нѣтъ: они мѣшаютъ людямъ жить... На старости лѣтъ твоего Закира оклеветали эти нечестивцы. Всѣ старанія его оправдать себя въ глазахъ власти остались тщетными. Посмотри, мой милый Мирза, какое несчастье обрушилось на твоего друга!..“

Среди многочисленныхъ и разнородныхъ произведеній Закира обращаютъ на себя вниманіе басни и сказки, написанныя имъ на живомъ языкѣ; нѣкоторыя изъ басенъ такъ хорошо написаны и содержатъ въ себѣ столько житейской правды, что могутъ сравняться съ баснями Ив. Ан. Крылова, которому, быть можетъ, татарскій поэтъ подражалъ. Жаль, что произведенія такого крупнаго поэта до сихъ поръ нигдѣ не изданы, если не считать тѣхъ немногихъ писемъ и лирическихъ стихотвореній его, которыя вошли въ „Сборникъ“ Берже. Полный Сборникъ всѣхъ его произведеній, написанный рукою самого поэта, хранится у одного изъ его внуковъ, который, какъ мы слышали, хочетъ издать его въ близкомъ будущемъ. Другой сборникъ всѣхъ произведеній Закира имѣется у сына покойнаго Мирза-Фатали-Ахундова, современника и друга поэта.

IV.

Заслуги М. Ф. Ахундова въ татарской литературѣ очень велики: онъ былъ и поэтомъ, и драматургомъ, и беллетристомъ, и публицистомъ, и критикомъ. Родился онъ въ Нухѣ въ 1812 году; когда ему было 7 лѣтъ, онъ лишился своихъ родителей и воспитывался подъ надзоромъ дяди по матери—

Ахунда-Гаджи-Али-Аскера, который былъ однимъ изъ самыхъ ученыхъ духовныхъ лицъ своего времени. Подъ руководствомъ этого ученаго муллы Мирза Фатали получилъ солидное мусульманское образованіе, изучивъ основательно персидскій и арабскій языки, потому что дядя предназначалъ его къ духовному званію. Когда ему минуло 17 лѣтъ, то случайное знакомство въ гор. Елисаветполѣ съ извѣстнымъ Мирза-Шафи (какъ поэтъ и философъ Мирза-Шафи извѣстенъ даже въ Европѣ, особенно въ Германии, гдѣ Баденштейномъ изданъ Сборникъ его стихотвореній), произвело переворотъ въ мысляхъ Ахундова. Послѣ этого онъ рѣшился поступить не въ духовное званіе, а на службу. Для подготовки къ ней онъ поступилъ въ только что открывшееся нухинское уѣздное училище, гдѣ пробылъ до 22-лѣтняго возраста. Къ тому же времени возвратился изъ поѣздки въ Мекку дядя его Ахундъ-Гаджи-Али-Аскеръ. Тогда племянникъ присталъ къ нему, чтобы тотъ его опредѣлилъ во что бы то ни стало на службу. Съ этою цѣлью они приѣхали въ Тифлисъ и обратились съ прошеніемъ къ тогдашнему главноуправляющему Грузіей барону Розену. Послѣ надлежащаго испытанія баронъ Розенъ, не долго колеблясь, принялъ Мирзу Фатали на службу въ качествѣ письменнаго переводчика восточныхъ языковъ. Съ тѣхъ поръ (это было въ 1834 году) до самой смерти онъ оставался на службѣ. Свободное отъ служебныхъ занятій время Мирза посвящалъ главнымъ образомъ чтенію русскихъ книгъ, благодаря чему онъ успѣлъ расширить кругъ своихъ познаній по ис-

торін, философіи и политическимъ наукамъ на столько, что смѣло могъ считаться самымъ образованнымъ мусульманиномъ своего времени среди кавказцевъ, кромѣ того, что онъ былъ отличнымъ знатокомъ восточныхъ языковъ. На службѣ Мирза-Фатали дожилъ до чина полковника и былъ кавалеромъ многихъ орденовъ русскихъ и иностранныхъ; участвовалъ въ нѣкоторыхъ экспедиціяхъ противъ непріятелей и имѣлъ нѣсколько важныхъ порученій. Скончался Ахундовъ въ Тифлисѣ послѣ тяжкой болѣзни въ 1878 г. 28-го февраля на 66 году жизни.

Переходя къ литературной дѣятельности Ахундова, слѣдуетъ замѣтить, что развитію его духовныхъ силъ и творческаго таланта много способствовалъ тотъ просвѣщенный кругъ людей, среди которыхъ онъ жилъ долгое время. Въ молодости онъ написалъ много стихотвореній на персидскомъ и татарскомъ языкахъ. Изъ русскихъ поэтовъ онъ особенно почиталъ Пушкина, Гоголя и Грибоѣдова. Смерть Пушкина произвела на Ахундова сильное впечатлѣніе, и онъ по поводу этого печального извѣстія написалъ прочувствованное стихотвореніе, которое переведено на русскій языкъ Марлинскимъ. Будучи самымъ даровитымъ и просвѣщеннымъ мусульманиномъ своего времени, Ахундовъ являлся лучшимъ проводникомъ гуманныхъ идей среди закавказскихъ мусульманъ. Онъ познакомилъ своихъ друзей, — Закира, Баба-бека и другихъ азербейджанскихъ поэтовъ съ произведеніями русскихъ писателей и этимъ путемъ расширилъ кругъ ихъ свѣдѣній. Благодаря его влиянію Закиръ, немного позднѣе

Гаджи-Сеидъ-Азимъ работаютъ въ новомъ освѣжающемъ направленіи. Въ ихъ сочиненіяхъ замѣтно, если не органическое, то все же очень тѣсное соединеніе и примиреніе русскихъ гуманизирующихъ идей и народныхъ мусульманскихъ чувствъ и стремленій. Такъ, напр., въ своихъ письмахъ къ Кулебякину и самому Ахундову Закиръ весьма сочувственно относится къ безмятежной жизни и доброму характеру русскаго народа, высказывая искреннее уваженіе къ его образованности и воинской отвагѣ.

Главная заслуга Ахундова заключается въ его безсмертныхъ комедіяхъ, къ сочиненію которыхъ онъ приступилъ въ 1850 г.; этому много способствовало то вниманіе и сочувствіе, которое оказывалъ кн. Воронцовъ вообще театральному дѣлу. Имъ написаны шесть комедій и всѣ они вмѣстѣ съ одной повѣстью изданы въ 1859 году; русскій же переводъ этихъ комедій былъ еще раньше изданъ, а именно въ 1853 году.

Комедіи М. Ф. Ахундова, какъ рефлекторъ, отражаютъ жизнь закавказскихъ татаръ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Обладая несомнѣннымъ талантомъ и будучи хорошо знакомъ съ народомъ, Ахундовъ съ замѣчательной вѣрностью и искусствомъ изображаетъ различныя стороны его быта. Написаны онѣ живымъ, бойкимъ и хорошо обработаннымъ языкомъ азербейджанскаго нарѣчія. Благодаря этой живости и простотѣ языка, полнотѣ и жизненности содержанія, онѣ сдѣлались достояніемъ всей грамотной публики, всѣми читаются съ большимъ интересомъ и каждая изъ нихъ многократно ставилась любителями на

сценѣ во всѣхъ почти городахъ Закавказья и даже въ Персіи.

Кромѣ комедій М. Ф. Ахундовъ написалъ повѣсть на татарскомъ языкѣ подъ заглавіемъ *Обманутыя звезды* ¹⁾. Въ ней авторъ мастерски изображаетъ жизнь высшихъ сановниковъ и визирей персидскаго двора временъ сафавидовъ; всѣ они являются людьми суевѣрными, недалекаго ума и ограниченныхъ понятій. Рѣчи ихъ на чрезвычайномъ собраніи поражаютъ своей наивностью, въ тоже время онѣ очень характерны. Изъ этихъ рѣчей можно заключить, что всѣ мысли и дѣла этихъ государственныхъ мужей направлены не къ благоустройству, а къ упадку и разоренію „золотой Персіи“.

Ахундовымъ написано также нѣсколько критическихъ сочиненій на персидскомъ языкѣ (совершенно новый родъ литературы на Востокѣ). Какъ лучший знатокъ восточныхъ языковъ, Ахундовъ первый поднялъ вопросъ о необходимости *измѣненія арабской азбуки* ради облегченія чтенія и тѣмъ быстро распространенія грамотности среди мусульманъ. Онъ написалъ о недостаткахъ этой азбуки брошюру на персидскомъ языкѣ и послалъ ее въ Тегеранъ на разсмотрѣніе и одобреніе персидскаго правительства; вмѣстѣ съ нею онъ послалъ туда и свою усовершенствованную азбуку, составленную имъ взаимѣнъ старой арабской. Но консервативные и завистливые сановни-

¹⁾ Нашъ переводъ этой повѣсти на русскій языкъ напечатанъ въ майской книжкѣ журнала „Кавказскій Вѣстникъ“, за 1901 г.

ки персидскаго двора не обратили должнаго вниманія на просвѣщенный трудъ Ахундова, и просьба его о принятіи его азбуки осталась безъ удовлетворенія. (Нѣсколько позднѣе такая же участь постигла и новую азбуку Мирза-Риза-хана, нынѣшняго персидскаго посла въ Константинополь). И въ Константинополь успѣху азбуки М. Ф. Ахундова, ѣздившаго туда специально для этой цѣли, главнымъ образомъ, помѣшалъ тогдашній персидскій посолъ. Несмотря на всѣ старанія его, рутина взяла свое. Ахундовъ трудился на этомъ поприщѣ 20 слишкомъ лѣтъ! Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ, какъ разочарованный и обманутый Солтанъ-Махмудомъ поэтъ Фирдуси, осмѣиваетъ зависть, корыстолюбіе, невѣжество и тупоуміе придворныхъ сановниковъ и визирей шаха.

V.

Говоря о постепенномъ развитіи литературы закавказскихъ татаръ азербейджанцевъ, нельзя не указать на то благотворное вліяніе, какое оказала на нее издававшаяся въ концѣ 70-хъ годовъ въ Баку татарская газета *Экинчи* (пахарь). Редактировалъ газету Гасанъ-бекъ-Меликовъ, чловѣкъ просвѣщенный, получившій высшее образованіе и учительствовавшій тогда въ бакинскомъ реальномъ училищѣ. Главная цѣль газеты, судя по преобладающему количеству помѣщенныхъ въ ней статей въ теченіе трехъ лѣтъ ¹⁾, состояло въ

¹⁾ Изданіе „Экинчи“ началось въ 1875 году прекратилось оно въ концѣ 1877 года.

распространеніи среди татарскаго населенія края полезныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній какъ практическихъ, такъ и теоретическихъ. Гасапъ Меликовъ, какъ хорошій специалистъ по агрономіи и знатокъ татарскаго языка, въ каждомъ номерѣ своей газеты печаталъ весьма полезныя статьи по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства; при этомъ онъ обнаруживалъ рѣдкія способности къ популяризаціи научныхъ свѣдѣній, излагая ихъ въ доступной литературной формѣ на простомъ и понятномъ языкѣ. Эти статьи, и доселѣ не утратившія своего значенія, могли бы принести большую пользу земледѣльческому населенію края, если ихъ издать въ надлежащей системѣ отдѣльными брошюрами. Главными сотрудниками редактора „Экинчи“ были его же ученики—Аскеръ-ага Адигезаловъ, нынѣ товар. прокурора тифлисской судебной палаты, Керимъ-бекъ Мехмандаровъ,—шушинскій уѣздный врачъ, Наджафъ-бекъ Везировъ, бывший делижанскій лѣсничій и нѣкоторые другіе образованные люди. Эти молодые люди, слушая лекціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, писали интересныя статьи изъ Москвы и Петербурга по научнымъ и литературнымъ отдѣламъ.

Однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ газеты „Экинчи“ также былъ Шемахинскій поэтъ Гаджи-Сеидъ-Азимъ, который велъ ожесточенную борьбу съ духовенствомъ, обличая ихъ въ умысленномъ распространеніи фанатизма и суевѣрныхъ понятій среди простого и довѣрчиваго народа. Стихами, какъ бы вылитыми изъ стали и исходящими изъ глубины сердца, онъ раз-

бываетъ въ прахъ лжеученіе ваизовъ и ахундовъ, такъ безцеремонно коверкающихъ, ради личныхъ интересовъ, смыслъ ученія корана и установленнаго пророкомъ шаріата. Въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ своего учителя—Закира Карабагскаго, который, какъ было сказано выше, тоже не давалъ пощады лицемернымъ и фанатичнымъ мулламъ при видѣ ихъ возмутительныхъ дѣяній.

Въ рядѣ блестящихъ стихотвореній Гаджи-Сеидъ-Азимъ даетъ своему любимому сыну Джафару добрыя отцовскія наставленія, подтверждающія каждое изъ нихъ поучительными примѣрами изъ жизни праведныхъ людей. Въ этихъ наставленіяхъ, полныхъ глубокаго смысла, житейской правды, остроумія и находчивости, поэтъ въ лицѣ своего сына читаетъ нотации какъ бы всѣмъ своимъ читателямъ. И, дѣйствительно, въ нихъ столько правды, искренности и сердечной ласковости, что читатель съ первыхъ же стиховъ чувствуетъ себя подъ обаятельнымъ влияніемъ этихъ рѣчей; нѣкоторые изъ нихъ до того проникнуты высокимъ чувствомъ гуманности и любви къ человѣку, что удивляешься широтѣ взглядовъ простого шемахинскаго сеида, нигдѣ не получившаго европейскаго образованія. Въ одномъ мѣстѣ, напр., онъ обращается къ сыну съ такими словами: „О, бутонъ моей розы, о пріятно поющей соловей моихъ садовъ, мой милый Джафаръ! Дарованіемъ тебя милостивый Богъ обрадовалъ душу мою и зажегъ въ ней неугасаемый свѣтильникъ любви. Въ настоящее время тебѣ исполнилось 15 лѣтъ. Въ теченіе этого времени я занятъ былъ твоимъ вос-

питаніемъ. Теперь, слава Аллаху, ты достигъ зрѣлаго возраста и болѣе уже не нуждаешься въ уходѣ моемъ. Отнынѣ ты самостоятельный человѣкъ... Сынъ мой, твой умъ—пророкъ твой, слѣдуй ему, учись у него правиламъ жизни. Я не требую, чтобы ты шелъ по дорогѣ отцовъ твоихъ, я прошу тебя, шествуй по той стезѣ, какую укажетъ тебѣ твой здравый смыслъ; подружись ты съ нимъ, это лучший спутникъ. Жизнь отца твоего не можетъ служить примѣромъ для тебя, лучше всего—возьми примѣръ съ сына Азара¹⁾. Не говорю тебѣ, чтобы ты былъ мусульманиномъ или христіаниномъ, но говорю тебѣ чтобы ты, какую бы религію не исповѣдывалъ, былъ *человѣкомъ*. Не говорю тебѣ, чтобы ты былъ суннитомъ или шиитомъ—это вѣдь все равно!—но говорю имѣй *душу человѣческую*. Не требую, чтобы ты былъ шейхидомъ или бабидомъ²⁾, но убѣдительнѣйше прошу тебя о томъ, чтобы ты не сдѣлался жуликомъ и пройдохой!“ Далѣе поэтъ говорить; „О, свѣтъ моихъ очей, мой любезный сынъ! люби родину свою—Ширванъ; на лонѣ его ты выросъ и воспитывался. Онъ по красотѣ и поэтичности считается вторымъ Испакномъ³⁾. Вліяніе его почвы и климата до того плодотворно и

¹⁾ Указаніе на патріарха Авраама, который, какъ извѣстно изъ свѣщ. исторіи, не принявъ вѣры своего отца Азара идолопоклонника и провозгласилъ вѣру въ Единаго Бога.

²⁾ Шейхиды и бабиды—мусульманскіе сектанты.

³⁾ Богатый и живописный городъ въ Персіи. Прежде, въ царствованіе династіи Сафавидовъ, онъ былъ столицей городомъ.

живительно, что оно камни приводитъ въ чувство. Просвѣщеніе не покинуло этого прелестнаго уголка и послѣ постигшаго его несчастья, послѣ страшнаго землетрясенія. Правосудный великій царь русской земли—да будетъ надъ нимъ благословеніе Божье!—вновь оживилъ его своими милостями и щедрыми пожертвованіями. Онъ открылъ въ Ширванѣ много школъ и этимъ далъ доступъ всѣмъ получить образованіе. Въ этихъ школахъ проходятъ разныя науки и изучаются языки. Сынъ мой! развѣ ты сомнѣваешься въ томъ, что безграмотный человѣкъ—все то же, что тупое четвероногое созданіе. Въ священномъ коранѣ сказано ясно: „могутъ ли сравниваться незнающіе съ знающими?“ Богъ намъ открылъ въ другомъ мѣстѣ корана, что разныя нарѣчія—суть дары Его. Выводъ отсюда такой: кто знаетъ одинъ языкъ, тотъ обладаетъ лишь однимъ даромъ Бога; кто знаетъ два—обладаетъ двумя, три—тремя дарами. Сынъ мой, не лучше ли тебѣ стремиться къ тому, чтобы обладать какъ можно большимъ количествомъ даровъ Всевышняго, т. е. знать по больше языковъ. Въ особенности старайся изучить русскій языкъ,—въ немъ особенно нуждаемся мы. И въ священномъ шаріатѣ не говорится, что кромѣ языка арабскаго—остальные никуда не годны. Вѣдь самъ Богъ не арабъ и не русъ (русскій), не французъ и не нѣмецъ; онъ также не индѣецъ и не грекъ. Вѣдь Аллахъ, Богъ и Худа¹⁾ выражаютъ одно и то же понятіе о Всемогущемъ Создателѣ, неужели ты будешь отрицать эту истину?

¹⁾ Худа—по персидски—Богъ.

И такъ, сынъ мой, обогащай себя знаніями разныхъ языковъ, просвѣщай свой умъ науками и будь увѣренъ, что это—лучшее украшеніе чело-вѣка."

Нѣкоторыя наставленія Гаджи-Сеидъ-Азима въ одно время печатались съ переводомъ на русскій языкъ въ Бахчисарайской газетѣ *Терджиманъ*, которая съ большимъ усердіемъ и нынѣ работаетъ въ пользу просвѣщенія русскихъ мусульманъ.

Въ краткой автобіографіи, вошедшей въ сборникъ произведеній Гаджи-Сеидъ-Азима, поэтъ даетъ, между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія о себѣ. Когда достигъ я 14 лѣтняго возраста, сталъ помышлять о чудесахъ Божьяго міра, о путешествіи и о приобрѣтеніи знаній. О богатствѣ же я совсѣмъ не думалъ. Для достиженія своихъ цѣлей пустился я путешествовать по разнымъ странамъ, и мѣстопробываніемъ моимъ были то Дамаскъ и Египеть, то Багдадъ и священный Ятребъ (Медина). Въ этихъ странахъ я изучилъ разныя науки, какъ богословскія, такъ и свѣтскія. Но темный народъ не придавалъ никакого значенія моей учености, и бесѣды мои о различныхъ явленіяхъ природы и о томъ, какъ надо жить на этомъ свѣтѣ, стали называть пустыми бреднями. Въ какой меджлисъ (собраніе) я ни являлся, доброжелатели мои, они же и враги, стали перешептываться между собою, указывая на меня, „вотъ идетъ Гаджи-Сеидъ-Азимъ Ширванскій, говорили они, по истинѣ онъ отецъ лжи, источникъ безумія и сочинитель глупостей. Онъ хочетъ увѣрить насъ въ томъ, что будто наша зем-

ля не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а двигается, что землетрясеніе происходитъ отъ какихъ то газовъ, въ ней самой таящихся. Онъ отрицаетъ существованіе седьмого неба и небесный сводъ называетъ воздушнымъ пространствомъ. Онъ твердитъ, что вода съ лица земли въ видѣ какихъ то паровъ поднимается на воздухъ и что эти пары, вновь обратившись въ воду, падаютъ въ видѣ дождя. О, Боже, въ какомъ глубокомъ онъ заблужденіи! Онъ не мусульманинъ, а настоящій кяфиръ, проповѣдующій по внушенію дьявола новое, противное исламу ученіе."

Умеръ Гаджи-Сеидъ-Азимъ въ Шемахѣ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія какою то загадочною и до селѣ необъяснимою смертью. Въ числѣ множества причинъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ смерти поэта, упорно указывается и на то, что она послѣдовала отъ неосторожнаго обращенія съ нимъ грубой черни, которую неоднократно возбуждало противъ него враждебно относившееся къ нему мѣстное духовенство. Говорятъ, что его будто задавила толпа народа во время выхода изъ мечети. Насколько вѣренъ этотъ таинственный слухъ, такъ сильно компрометирующей представителю религіи и проповѣдниковъ любви къ челоуѣку, вѣдаетъ одинъ Аллахъ, но не подлечь сомнѣнію та истина, что между ними и по-этомъ, обличавшимъ ихъ темныя дѣла при всякомъ удобномъ случаѣ, была объявлена война не на животъ, а на смерть. Ко всему сказанному о Гаджи-Сеидъ-Аазимѣ нужно добавить, что его никогда не покидало творческое настроеніе; вдох-

новение было постояннымъ и неотлучнымъ его спутникомъ. Онъ, какъ Пушкинское эхо, на всѣ житейскія явленія и вопросы отвѣчалъ очень быстро. Талантъ его былъ свободенъ и могучъ. Иногда онъ въ кругу своихъ друзей импровизировалъ цѣлую поэму. Какъ на особое достоинство поэта можно указать и на то, что онъ, не смотря на свою ученость, долготнее странствованіе по востоку, — именно въ Турціи, Аравіи и Персіи, гдѣ онъ больше другихъ могъ бы набраться чужеземнаго вліянія въ сочинительскомъ искусствѣ, сохранилъ большую самостоятельность и оригинальность въ своихъ произведеніяхъ. Всѣ они отличаются ясностью изложенія и оригинальной художественностью. Стихи его плавны, благозвучны и граціозны. Его стилю чужды разныя витіеватости и вычурныя выраженія. Изображаемая имъ картина, будь она взята изъ жизни или природы, поражаетъ своей полнотой, правильностью и изяществомъ. Такъ смѣло и правдиво можетъ писать только рѣдкій поэтъ, — обладающій свободнымъ и богато одареннымъ талантомъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ Гаджи-Сеидъ-Азимъ.

Гаджи также много содѣйствовалъ своими сочиненіями примиренію и духовному сближенію враждебно настроенныхъ другъ противъ друга сунитовъ и шитовъ. Рассказывая въ шуточномъ тонѣ разныя наивнаго характера инциденты, которые происходятъ между суннитомъ и шитомъ, поэтъ весьма умѣло и мѣтко подчеркиваетъ тѣ маловажныя различія, какія существуютъ въ религиозныхъ понятіяхъ спорящихъ, а

иногда и ссорящихся сторонъ и вмѣстѣ съ своими читателями отъ души смѣется надъ смѣшнымъ положеніемъ фанатическихъ представителей обоихъ ученій.

VI.

Шестидесятые годы прошлаго столѣтія и въ исторіи развитія татарской литературы являются самымъ плодотворнымъ и счастливымъ періодомъ. Во многихъ городахъ Закавказья существовали тогда литературные кружки, носившіе разныя поэтическія названія въ родѣ „Бейти Сафа“ (домъ поэзіи); „Бейти Хамушъ“ (домъ молчанія или внутренняго міросозерцанія). „Дарис-сируръ“ (уголокъ радости) и т. п. Между отдѣльными кружками существовала дружеская связь, поддерживаемая переписками. Представителями этихъ кружковъ были: въ Шушѣ—Абдулла-бекъ-Аси, въ Шемахѣ—Гаджи-Сеидъ-Азимъ, въ Елисаветполѣ—Мирза-Мехти-Наджи, въ Эривани—Мирза-Исмаиль-Базми, въ Казахѣ—Кязумъ-бекъ-Саликъ. Особеннымъ почетомъ и славой пользовались карабагскіе поэты, которые, какъ могучіе орлы, свивъ себѣ гнѣздо на поэтической вершинѣ Шущинскихъ скалъ, съ высоты своего положенія задавали тонъ всѣмъ остальнымъ служителямъ поэзіи. Къ нимъ посылались на исправленіе и оцѣнку поэтическія произведенія изъ разныхъ мѣстъ и всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за тѣмъ, какой отзывъ дастъ по поводу того или другого произведенія знаменитый Аси. Молодой красивый и въ высшей степени даровитый поэтъ Абдулла-бекъ-Аси, какъ метеоръ, пронесся по горизонту азербейджанскихъ

позтовъ, озаривъ его ослѣпительнымъ блескомъ своего могучаго таланта. Пылкій, воспріимчивый, чрезвычайно живой и впечатлительный, онъ съ раннихъ лѣтъ слишкомъ увлекался минутными наслаждениями, безразсудно предаваясь прожиганію жизни въ кругу молодыхъ своихъ собутыльниковъ. Воспѣвая въ чудныхъ стихахъ, подобно Хаями, вино, веселье и любовь, онъ ставитъ ихъ выше всѣхъ даровъ природы. „Какъ не пить вина—воскликаетъ поэтъ—эпикурецъ,—въ одномъ стихотвореніи—когда оно проясняетъ сознание лучше проповѣдей ваиза, наполняетъ душу благороднымъ порывомъ и поднимаетъ ее въ небесную даль къ самому Богу. Какъ не пить его, когда чудный цвѣтъ и упоительный ароматъ его имѣютъ такую же магическую силу, какой обладаютъ розовыя уста моей божественной пери!“ Но Абдулла-бекъ послѣ безумно проведенныхъ ночей и усерднаго возліянія въ честь Бахуса на веселомъ пиру обыкновенно впадалъ въ уныніе, и гнетущая его душу скорбь доводила его до отчаянія. Сердце поэта, омраченное постыдными дѣяніями, готово было разбиться на части. Въ такія минуты онъ считалъ себя самымъ несчастнымъ человекомъ и называлъ себя „Аси“, что значитъ грѣшный. Для облегченія сердечныхъ болей, онъ въ этомъ состояніи души излагалъ ноха въ честь имама Гусейна.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что вопли раскаянія не есть постоянное явленіе въ основныхъ мотивахъ поэзіи Аси; они скоро замѣнялись его радостными возгласами, призывающими друзей поднять бокалъ въ честь забытаго „Пири могана 1“).

1) Почетный тамада, вдохновитель веселой компаніи и опытный руководитель поклонниковъ вина.

Представители современнаго Аси общества и мѣстное духовенство, возмущившись поступкомъ Абдулла-бека, такъ смѣло и открыто нарушавшаго одно изъ важнѣйшихъ постановленій корана, однажды привели поэта въ мечеть и заставили его клясться на священномъ коранѣ, что онъ отнынѣ откажется отъ употребленія вина, какъ отъ гнуснаго соблазна сатаны. Это обстоятельство, вовсе не изъ ряда выходящее въ мусульманскомъ мірѣ, когда общество, подкрѣпленное вмѣшательствомъ духовенства, принимаетъ на себя неограниченное уполномочіе въ вопросахъ религіи, сильно подѣйствовало на друзей поэта. По этому случаю шемахинскіе поэты, опечаленные постигшимъ Аси, царя поэтовъ, прискорбнымъ случаемъ, послали ему одно большое стихотвореніе, въ которомъ между прочимъ говорится: „Да обратятся въ мечети всѣ винные погреба, да разобьются всѣ сосуды, содержащіе вино. Да опракинется твоя чаша, о, виночерпій! и розовое вино твое превратится въ алую кровь за то, что нашъ другъ и любимецъ, несчастный Аси получилъ въ Шущѣ запретъ отъ вина!“ На это посланіе Аси написалъ чудный отвѣтъ на джагатайскомъ языкѣ; въ немъ поэтъ указываетъ своимъ друзьямъ на другой свѣтлый и неизсякаемый источникъ, изъ котораго они должны черпать пищу для своего вдохновенія,—это источникъ вѣры въ добро и истину, источникъ любви къ Единому Богу, во власти Котораго судьба человека. Изъ этого источника напились великіе пророки Моисей, Іисусъ и Магометъ и всѣ они послѣ этого поднялись на высоту, гдѣ находится жилище солнца“.

Послѣ Гаджи-Сеидъ-Азима Ширванскаго и Абдулла-бека-Аси, который умеръ совершенно молодымъ чѣловѣкомъ въ 1867 году, (годъ его рожденія точно неизвѣстенъ) татарская литература, лишившись въ ихъ лицѣ лучшихъ представителей своихъ идеально-романтическаго направленія, принимаетъ совершенно другой характеръ. Поэзія и стихотворная форма рѣчи начинаетъ уступать произведеніямъ прозаическимъ—комедіи, трагедіи, повѣсти и роману; вмѣсто стихотвореній пишутся басни и сказки для дѣтей.

Представителями новаго направленія являются, главнымъ образомъ, молодые люди, получившіе помимо восточнаго и русское образованіе въ правительственныхъ училищахъ,—среднихъ и высшихъ. Одни изъ нихъ заняты составленіемъ учебниковъ, другіе—переводами изъ русской литературы, третьи пробуютъ свои силы на повѣстяхъ и романахъ, четвертые посвятили себя драматической литературѣ и т. д.

Не вдаваясь въ подробный разборъ сочиненій современныхъ труженниковъ на литературномъ поприщѣ, ограничимся лишь краткимъ перечнемъ наиболѣе цѣнныхъ произведеній, съ указаніемъ ихъ авторовъ. Начнемъ съ учебниковъ. Первый учебникъ первоначальнаго обученія письму и чтенію по звуковому методу составленъ въ 1892 г. А. О. Черняевскимъ, бывшимъ инспекторомъ Татарскаго отдѣленія Зак. учит. семинаріи въ Гори. Учебникъ этотъ называется *Ватанъ дил* (родная рѣчь) и имѣетъ большое распространеніе въ татарскихъ школахъ; къ нему авторъ составилъ руководство для учителей. Вторая часть

этого учебнаго составлена тѣмъ же авторомъ при сотрудничествѣ бывшаго учителя татарскаго при Отдѣленіи начальн. училища Сафаръ-Алибека Велибекова. Эта книжка предназначена для второго и третьяго года обученія и составлена по образцу Родного Слова II ч. Ушинскаго. Эти учебники создали цѣлую реформу въ татарскихъ мектебахъ, гдѣ до нихъ преподаваніе велось по старинному буквослагательному способу по персидскимъ букварямъ (чарака). Вслѣдъ за ними обращаютъ на себя вниманіе учебники по мусульманскому вѣроученію и священной исторіи почтеннаго закавказскаго Шейхуль-ислама-Молла-Абдуссалама Ахундзаде. До появленія его *Умдатиль Эхкяма*, *Зубдатиль Эхкяма* и *Тарихи Мукаддаса* (основы религіи, обряды религіи и свящ. исторія) преподаваніе мусульманскаго закона Божія въ настоящемъ видѣ не существовало ни въ нашихъ мектебахъ, ни въ тѣхъ правительственныхъ школахъ, гдѣ оно стоитъ въ числѣ обязательныхъ предметовъ. Мулла сообщалъ кое-какія свѣдѣнія о догматахъ религіи, о днѣ страшнаго суда и затѣмъ заставлялъ учениковъ читать коранъ, не понимая, конечно, его значенія. Въ книгахъ г. Ахундзаде всѣ догматическія и исполнительныя или обрядовыя части религіи изложены въ надлежащей системѣ съ соблюденіемъ дидактическаго требованія педагогики, итти отъ легкаго къ трудному, отъ близкаго къ отдаленному. Къ арабскимъ текстамъ молитвъ приложены переводы на татарскомъ языкѣ и нужныя объясненія. Священная исторія, о которой въ нашихъ мектебахъ прежде не имѣли понятія, теперь является самымъ рас-

пространеннымъ и уважаемымъ учебникомъ въ нихъ. Какъ они, такъ и всѣ остальные книги г. Ахундаде написаны хорошимъ языкомъ. Почтенный Шейхуль-исламъ, по справедливости, можетъ считаться первымъ образователемъ изящнаго литературнаго языка. Его интересная брошюра „Лекарства отъ болѣзни невѣжества и способъ ихъ употребленія“, какъ по содержанію, такъ и по способу изложенія и изяществу слога—можетъ считаться лучшимъ образцомъ литературныхъ произведеній. Благодаря трудамъ г.г. Черняевского и Ахундаде, можно сказать, что и у татаръ педагогическое дѣло поставлено на научную почву. *Ходжей сибянь* (дѣтскій учитель) Исмаиль б. Гаспринскаго и *Ушакъ бахчаси* (дѣтскій садъ) Рашидъ-бекъ Эфендіева являются тоже полезными учебными книгами. Оба учебника составлены съ большимъ пониманіемъ дѣла. Но „Ходжей Сибянь“, будучи составленъ на нарѣчій крымскихъ татаръ, въ Закавказьѣ не имѣетъ распространенія, расходясь въ большомъ количествѣ въ Крыму и среди татаръ внутреннихъ губерній Россіи. При несовершенствѣ татарской азбуки и отсутствіи надлежащаго числа гласныхъ буквъ, татарское правописаніе всегда страдало отсутствіемъ установленныхъ правилъ орфографіи. Чтобы сколько нибудь упорядочить это дѣло и установить возможное единство въ правописаніи татарскаго языка, г. Н. Наримановъ издалъ въ 1899 году въ Баку „Краткую татарско-адербейджанскую грамматику“, составленную имъ по образцу русской грамматики Л. Поливанова. Другой учебникъ по свящ. исторіи составленъ въ 1899 г. въпроучите-

лями Татарскаго отдѣленія К. Э. Эфенди-Заде и Кочарлинскимъ съ переводомъ на русскій языкъ; переводъ сдѣланъ инспекторомъ отдѣленія г. Э. А. Смирновымъ. Въ этомъ году вышли изъ печати двѣ татарскія христоматіи *Басиратиль эт-фалъ* (дѣтское мировозрѣніе) Р. Эфендіева и *Хазиниуль этфалъ* М. С. Сеидова. Обѣ христоматіи предназначены для старшаго возраста и заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ какъ переводный, такъ и оригинальный. Составлены они толково и хорошо. Въ томъ же году изданъ въ Баку другой полный учебникъ татарско-адербейджанской грамматики; составитель учебника молодой учитель А. Ю. Талибзаде. Кромѣ этихъ учебниковъ, приносящихъ громадную пользу въ дѣлѣ распространенія грамотности среди Закавказскихъ татаръ, въ послѣднее десятилѣтіе прошлаго вѣка издано еще нѣсколько полезныхъ учебниковъ по разнымъ предметамъ на адербейджанскомъ нарѣчій татарскаго языка.

Переходя къ указанію другихъ видовъ литературныхъ произведеній, слѣдуетъ замѣтить, что татарскимъ литераторамъ переживаемой нами эпохи болѣе всего по вкусу пришлось произведенія драматическаго характера. Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что этимъ видомъ литературныхъ произведеній полнѣе и ярче можно выставить на видъ существующіе въ обществѣ недостатки и пороки и путемъ постановки ихъ на сценѣ обращать на нихъ вниманіе публики. Мусульманская же жизнь для этого рода произведеній даетъ богатый и неистощимый матеріалъ. Въ преобладаніи комедій надъ другими ро-

дами литературныхъ произведеній безспорно замѣчается также вліяніе на молодыхъ писателей знаменитаго драматурга *Мирза Фатали Ахундова*, отличавшагося замѣчательною способностью художественно отмѣчать комическія стороны жизни всѣхъ сословій своего народа. Его *Мастали шахъ* вызвалъ почти одновременно трехъ подражателей; но, какъ и слѣдовало ожидать, никто изъ нихъ не могъ выполнить задачи въ удовлетворительной степени. Типъ колдуна-дервиша, ловко и безнаказанно эксплуатирующаго и до сихъ поръ суевѣріе нашихъ темныхъ женщинъ, никѣмъ такъ полно, вѣрно и характеристично не обрисованъ, какъ изобразилъ его покойный Ахундовъ въ лицѣ своего „Мастали шаха“.

Представителями этого рода литературныхъ произведеній являются *Наджафъ-бекъ Везировъ*, *Нариманъ Наримановъ*, *Гашимъ-бекъ Везировъ*, *Васакъ Мадатовъ* (армянинъ), *Абдурахимъ-бекъ Ахвердовъ*, *Сулейманъ Ахундовъ*, *Аскаръ-ага Адигезаловъ* и др. Каждый изъ нихъ, за исключеніемъ послѣдняго, написалъ по нѣскольکو комедій. *Наджафъ-бекъ* же *Везировъ* считается самымъ плодотворнымъ драматическимъ писателемъ; имъ написано 7 комедій и нѣскольکو водевилей.

Большой талантъ обнаруживаетъ въ своихъ комедіяхъ г. Н.-б. *Везировъ*; онъ мастерски изображаетъ различныя явленія изъ патріархальнаго быта помѣщичьяго сословія. Его комедіи „Существуетъ одно только имя“ и „Заднимъ умомъ крѣпокъ“ могутъ считаться въ этомъ отношеніи самыми удачными произведеніями. Вѣрную картину изъ жизни празднаго бекскаго со-

словія представляетъ въ своей „Разоренной семьѣ“. г. Аб.-б. *Ахвердовъ*. Въ первыхъ трехъ дѣйствіяхъ этой комедіи авторъ обнаруживаетъ большую наблюдательность и умѣніе вѣрно и живо передавать свои наблюденія. Но г. *Ахвердовъ* имѣетъ слабость вводить въ свои комедіи какихъ то джиновъ (нечистыхъ духовъ) и тѣней умершихъ; этой манерой, на нашъ взглядъ заимствованной изъ произведеній другихъ народовъ, онъ значительно умаляетъ значеніе своихъ комедій. Какъ комедіи Н. *Везирова*, такъ и *Ахвердова* написаны языкомъ живымъ, но у *Везирова* языкъ мало обработанъ и безъ надобности принаровленъ къ нарѣчію бакинскихъ татаръ.

Менѣе всего можетъ похвастаться татарская литература беллетристикой. Положительно нельзя указать на какой нибудь романъ, написанный на татарскомъ или персидскомъ языкахъ. Такая скудость въ литературѣ восточныхъ народовъ беллетристическихъ произведеній, по нашему мнѣнію, объясняется затворничествомъ женщинъ, лишенныхъ по своему положенію возможности имѣть вліяніе на жизнь и развитіе своего народа. Разъ онѣ обречены на вѣчное рабство и лишены возможности играть роль въ жизни, то о нихъ, какъ свободныхъ людяхъ, героиняхъ извѣстныхъ идей, направленій, общественныхъ интересовъ, не можетъ быть рѣчи. А романъ, въ которомъ отсутствуетъ женщина, слѣдовательно, и любовь, и неразлучныя съ ней страданія и борьба двухъ началъ—добра и зла, есть скучная матерія; такой романъ не можетъ имѣть на читателя благотворнаго вліянія, облагораживающаго и возвышающаго его

душу. Поэтому нисколько не странно, что въ повѣсти г. Нариманова *Багатуръ ва Сона* въ роли героини выступаетъ не мусульманка, а армянка Сона. Во второй же части романа г. Ганіева, „Письма Шейдабека“ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ изъ женскаго пола является русская интеллигентная особа Софья Михайловна.

Неустанно и плодотворно работаетъ въ пользу родной литературы Султанъ Меджидъ Ганіевъ. Въ своихъ трудахъ онъ обнаруживаетъ богатый и всесторонне развитой талантъ. Онъ является и поэтомъ (въ сказкѣ Тюльки ва Чакъ-Чакъ), и романистомъ (въ „Письмахъ Шейдабека“ и „Божьемъ Правосудіи“) и толковымъ переводчикомъ (въ „Первомъ винокурѣ“) и хорошимъ знаткомъ языковъ (въ „Тюрко-татарскомъ словарѣ“ и „Самоучителяхъ русскаго и татарскаго языковъ“). Рѣчь его образна, цвѣтиста и мѣстами усѣяна блестящими восточнаго мѣткаго остроумія, но она не вездѣ ясна и точна.

Обращаетъ на себя вниманіе недавно вышедшая изъ печати книжка Ахмедъ-бека Агаева „Ахундъ ва Исламъ“. Выставленный авторомъ въ жалкомъ и истрепанномъ видѣ „Исламъ“ ведетъ ожесточенный споръ съ дороднымъ и беззаботнымъ Ахундомъ. Исламъ обвиняетъ Ахунда въ томъ, что онъ ради своего благоденствія и наживы безцеремонно извращаетъ истинный смыслъ ученія пророка и довелъ его, „Ислама“, въ такое жалкое состояніе. Эта книга по своему содержанию является самымъ сильнымъ протестомъ противъ темныхъ дѣяній и корыстолюбивыхъ стремленій всего мусульманскаго духовенства. Авторъ

обладаетъ большимъ запасомъ историческихъ данныхъ и хорошо владѣетъ литературнымъ языкомъ.

Говоря о переводныхъ сочиненіяхъ изъ русской и иностранной литературы, нельзя не отмѣтить, что и въ этой области сдѣлано очень мало.

Сдѣланы переводы изъ произведеній слѣдующихъ писателей и поэтовъ:

Изъ Пушкина: Повѣсти „Дубровскій“ и „Барышня—крестьянка“,—М. Г. Эфендіевымъ. „Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ“—Ф. Кочарлинскимъ; „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ—имъ же. Много мелкихъ произведеній Ахмедъ бекомъ Джеванширѣ.

Изъ Лермонтова: „Мцыри“, „Споръ“, „Три Пальмы“, „Дары Терека“, „Хаджи Абрекъ“ и много мелкихъ стихотвореній А. Б. Джеванширѣ; „Воздушный корабль“—Аск. Ага Адигезаловымъ.

Изъ Гоголя: „Ревизоръ“—Н. Наримановымъ.

Изъ Л. Н. Толстого: „Первый винокуръ“—С. М. Ганіевымъ и „О вредѣ табака и вина“—Ф. Кочарлинскимъ.

Изъ Жуковскаго: „Спящая царевна“. „Лѣтній вечеръ“ и много другихъ стихотвореній—А. Б. Джеванширѣ.

Изъ Крылова: много басенъ ханъ Карадагскимъ и Р. Б. Эфендіевымъ.

Изъ иностранной литературы переведена только одна трагедія Шекспира „Отелло“—Гашиммъ-бекомъ Везировымъ и „Геній рода“ Шопенгауэра—Ф. Кочарлинскимъ.

Изъ современныхъ поэтовъ наиболѣе извѣстны своими лирическими произведеніями Мирза Норасъ, Лаали, Мирза Рахимъ Фана, Рашидъ-бекъ

Эфендіевъ Шаки, Аббасъ-ага Гаировъ Назиръ, Машади Эйюбъ Баки, Сабиръ, Мусаевъ Ибрагимъ и др. Нѣкоторые изъ нихъ, напр., Мирза Норастъ, Лаали, Мусаевъ плодотворно работаютъ на страницахъ молодой и многообѣщающей татарской газеты „Шарки русь“. Говоря о современныхъ поэтахъ, нельзя не упомянуть съ душевной скорбью о безвременно скончавшемся князѣ Мехти Кули ханъ Уцимиевъ. Любовь къ человѣку, братство, прощеніе обидъ, „милость къ падшимъ“, состраданіе составляютъ основной мотивъ поэзіи даровитаго Мехти Кули хана. „Осторожно вступай на зеленое поле, говоритъ князь Уцимиевъ, чтобы подъ твоими ногами не погибли букашки и не помялись молодья травки“.

Заканчивая свой обзоръ татарской литературы, пока еще не богатой цѣнными произведеніями, какъ оригинальными, такъ и переводными, считаемъ нужнымъ отмѣтить, что ея развитію много препятствуетъ несовершенство употребляемой въ мусульманскомъ мірѣ арабской азбуки; являясь орудіемъ для передачи мысли, для выраженія силы генія своего народа, она далеко не удовлетворяетъ своему назначенію. Вопросъ этотъ, поднятый еще покойнымъ Мирза Фатали Ахундовымъ, въ настоящее время горячо обсуждается интеллигентнымъ слоемъ мусульманскаго общества и нѣкоторые, взявъ арабскую азбуку, предлагаютъ свои вновь составленныя, усовершенствованныя письма.

Фридуль-бекъ Кочарлинскій.